

УДК 001.8+93

РЕГИОНАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ В НОВОЙ ИМПЕРСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

А.В. Ремнев

*Омский государственный университет,
кафедра дореволюционной отечественной истории
644077, Омск, пр. Мира, 55а*

Получена 15 октября 2004 г.

The article deals with the research potential of regional narrative for the Russian Empire history studies. The author offers his understanding of region as historical space with not only physical but also mental characteristics in the imperial geography power.

«Изучение империй снова в моде», – отметил в середине 1990-х гг. Марк фон Хаген, и к настоящему времени новая имперская история наполнилась значительным количеством научных трудов [1]. Этот интерес был обусловлен не только процессами глобализации и регионализации, крахом СССР и появлением национальных историй на постсоветском пространстве [2]. Превенная история Российской империи и СССР оказалась под угрозой растаскивания по национальным анклавам, став важным инструментом конструирования новых национальных государств. Империя – это не только полиэтничное (многонациональное) государственное образование, но и обширное пространство, имеющее сложную политико-административную, экономическую, социокультурную и ментальную конфигурацию. В связи с этим, национальные нарративы или централистские универсальные подходы к истории России как империи будут обречены на фатальную ограниченность, так как вызовы модернизации, процессы империостроительства и нациостроительства требуют регионального прочтения, что до сих пор плохо реализовано как в отечественной, так и зарубежной исторической мысли [3]. Первым уровнем отражения современного динамичного развития регионализма стал интерес к краеведению, а затем к локальной и региональной истории.

С управленческой точки зрения Российская империя представляла собой сложно организо-

ванное государственное пространство. Его длительная устойчивость может быть объяснима именно с позиции поливариантности властных структур, многообразия правовых, государственных, институциональных управленческих форм, асимметричности связей различных народов и территориальных образований. И чем больше правительство добивалось успехов на путях централизации (к чему оно, несомненно, стремилось), тем более оно теряло гибкость и становилось неповоротливым, неспособным эффективно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся политическую и социально-экономическую конъюнктуру, отвечать на национальные и модернизационные вызовы. Французский политолог М. Мэндрас отметила: «В Российской империи многообразии всегда рассматривалось как слабость, а не как возможный фактор богатства. Если все же поймут, что единая страна может быть многообразной, то все станет проще» [4].

Разумеется, имперская бюрократия (особенно в Петербурге) стремилась к управленческой унификации, а региональная административная и правовая специфика расценивалась как явление временное, своего рода «переходная форма». То, что рассматривалось как недостаток управляемости периферии, по сути дела было вынужденной децентрацией власти, и, как справедливо заметил А. Рибер, полемизируя со мной, «имперские элиты вырабатывали множество стратегий, правда, не всегда последовательных или скоор-

динированных, но все же способствовавших продлению жизни империи» [5]. Добавлю, что нередко региональные «инициативы» или стремление «спустить в песок» решения центра могли действовать и деструктивно, разрушая стабильность империи.

Если признать, что Российская империя была не простым конгломератом народов и территорий, а сложной системой, включавшей в качестве элементов разнопорядковые с асимметричным статусом (от унитаризма до «имперского федерализма») регионы, имеющие различные социально-экономические политические и социокультурные характеристики, то необходимо будет изменить ракурс исторического исследования, который потребует существенного расширения тематики и модификации понятийного аппарата. В отличие от национальной истории, с ее актуализацией истории одного народа и маргинализацией других, региональная история позволяет описать пространство как целостную систему, вобравшую в себя общее и особенное, совместить генерализирующие методы с возможностями локальной истории и микроистории. История региона не сводима к совокупности историй народов, проживающих на определенной территории, это еще и поле столкновения разного рода имперских, национальных, социальных, экономических и культурных практик, ареал деятельности «строителей» и «разрушителей» империи. Региональная история открыта компаративистским методам как для сравнения с другими империями, так и для внутренней соотнесенности конструктивных и деструктивных политических, экономических и социокультурных процессов в самой России. Крайние российские регионы были включены в глобальный контекст мирового развития на уровне «больших» надгосударственных регионов (Центральная Европа, Центральная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион). Таким образом, разделение внутренней и внешней политики становится не столь жестким, «пористые» государственные границы формируют почти по всему периметру империи этнически смешанные «зоны фронтиров» [6].

Имперская управленческая тематика имеет давнюю традицию и определенную научную устойчивость. Как заметил еще в конце XIX в. профессор русского государственного права В.В. Ивановский, «вопросы централизации и децентрализации правительственной деятельности настолько же стары, насколько стара сама государственная жизнь; в то же время это и вечно юные, неисчерпаемые вопросы, на которые, по-видимому, вовсе не может быть дано одного определенного ответа, одинаково пригодного для всех эпох и народов» [7]. Известный российский правовед

Б.Э. Нольде подчеркивал, что русское право «никогда само не разбиралось систематически в том, что оно здесь [на окраинах] творило... наше право знало лишь отдельные земли и индивидуально характеризовало их отношение к целому русскому государству» [8]. Но, вместе с тем, путь «осуществления одной и той же государственно-правовой мысли, – полагал он, – лежит через изучение каждой из автономных земель, взятой в отдельности». Это касалось необходимости учета особенностей окраин при организации их управления при ясном понимании того, что административной и правовой политике самодержавия на окраинах были присущи некоторые общие принципы, характерные в целом для российского государства.

С позиций изучения географии власти чрезвычайно важно разобраться в понятиях: центр, регион, периферия, внутренние губернии, окраина, колония и т. п., – выстроить пространственную структуру организации власти империи, проследить ее динамику, обусловленную временем и условиями вхождения территории в состав империи, географическими факторами, различной удаленностью от имперского центра, предшествующим историческим опытом, этническим и конфессиональным составом населения, уровнем социально-экономического развития, влиянием внешнеполитического окружения и т. д. Регионы представляли различные варианты протекания имперских процессов, многообразие моделей и технологий решения схожих проблем. Империя была обречена уделять внимание окраинам (где она соприкасалась с другими империями, где имела возможности для своего расширения и откуда ей грозили опасности) больше, чем внутренним губерниям – своему государственному и национальному ядру.

Перспективность регионального подхода особо подчеркивает автор известной книги о Российской империи Андреас Капшелер: «В будущем, как мне кажется, региональный подход к истории империи станет особенно инновационным. Преодолевая этноцентризм национально-государственных традиций, он позволяет изучать характер полиэтнической империи на различных пространственных плоскостях. В отличие от национальной истории, этнические и национальные факторы здесь не абсолютизируются, и, наряду с этническими конфликтами, рассматривается более или менее мирное сосуществование различных религиозных и этнических групп» [9]. Это позволяет отойти от катастрофического телеологизма краха империи и сместить исследовательские акценты на выяснение возможностей длительной государственной устойчивости мультикультурных сообществ, управленческих техно-

логий, способных эффективно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся политическую и социально-экономическую конъюнктуру.

Указывая на доминирующий универсализм национальной истории, М. Эмар заметил: «Центр во Франции и России навязывал волю периферии. Несмотря на то что Центр веками преодолевал различия, они сохранились». И далее он отмечает: «Рамки национального государства не являются общепринятым форматом для исторического исследования. Историческое исследование развивается, как минимум, на трех уровнях:

- локальный, региональный уровень,
- межнациональный, межгосударственный, когда исторически единый регион пересечен несколькими государственными границами,
- наднациональный, надгосударственный уровень» [10].

Региональный подход к изучению имперской тематики неизбежно ставит в основу исследования концепцию «центр – периферия», в контексте которой и разворачивалась основная часть имперских конфликтов. Империя, основываясь на принципах господства и подчинения, организует большое географическое пространство, формируя центры политического и экономического воздействия (центры, полупериферии, периферии). Структура имперского пространства содержит в себе неравные отношения не только между центром и периферией, но и отдельными перифериями. Это неравенство и обеспечивает определенную «динамическую трансформацию» всей системы [11]. Империя может рассматриваться как определенный этап построения глобальной «мир-системы» на историческом пути: города-государства – империи (большие локальные сообщества народов) – национальные государства – сообщества национальных государств [12].

Актуальность проблем взаимоотношений центра и регионов сохраняется, имея тенденцию к обострению под воздействием национальных и модернизационных вызовов. Реальное административное поведение империи на окраинах представляло собой совокупность (зачастую не систему и даже не комплекс) правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности, хозяйственное освоение регионов, ответы на этнические, конфессиональные и социокультурные запросы, а также учет управленческих и правовых традиций, при элиминировании политических претензий. Взаимодействие центра и региона включало в себя диалог двух сторон (центральных и местных политических акторов), позиции которых зачастую не совпадали. Внутреннее пространство «мир-империи» имело свою иерархию, различные виды неравенства периферийных регионов

по отношению к центру, где располагалась сильная государственная власть, привилегированная, динамичная, внушающая одновременно страх и уважение [13].

В этой концепции центр может быть представлен особым символическим и организационным образованием, который стремится не только извлечь ресурсы из периферии, но проникнуть в нее, перенести туда свои духовно-символические принципы, организационно мобилизовать ее для своих целей [14]. Контраст между центром и периферией – самый элементарный и в то же время мощный импульс возникновения и воспроизводства территориального неравенства. Центр, как его фиксирует современный французский социолог Пьер Бурдьё, предстает «местом в физическом пространстве, где сконцентрированы высшие позиции всех полей [политических, экономических, социальных, культурных] и большая часть агентов, занимающих эти доминирующие позиции» [15]. Таким образом, с управленческой точки зрения имперским центром является столица – месторасположение высших и центральных учреждений государства, где принимаются стратегические управленческие решения.

Другая трактовка центра традиционно определяла его как государственное ядро, «пространство – сердце империи, настоящее отечество Русского народа, центр всей Европейской России, вместилище всех сокровищ, доставляемых образованностью, распространенной промышленностью и обширной внутреннею торговлею» [16]. Центральное, или внутреннее, пространство, по классификации К.И. Арсеньева, означало общность нравов его жителей, единство языка, единую правовую и управленческую систему, одну религию и почти одинаковый уровень образования народа, что и определяло его как «истинное отечество Русских, твердейшая, или главная, основа державы Российской; это есть великий круг, к коему все прочие части Империи примыкают, как радиусы в разных направлениях, ближе или дальше, и содействуют более или менее к нерасторгаемости оного» [17].

Российский имперский проект предусматривал постепенное расширение государственного ядра за счет окраин путем властного присвоения, а главное в результате русской крестьянской колонизации, развития коммуникаций и экономической интеграции в единое пространство. Со второй половины XIX в. движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает сознательно восприниматься и в правительстве и в обществе как целенаправленное политическое и национальное конструирование империи.

Основным отличием Российской империи от

западных мировых держав считалось то, что она представляет собой цельный территориальный монолит. В имперском расширении была заложена своего рода геополитическая сверхзадача, формулируемая как новый политический курс создания «единой и неделимой» России, в которой окраины со временем способны обрести и слиться с сердцевинной империи, ее внутренними губерниями, населенными русскими [18]. Это был сложный и длительный процесс «двойного расширения» Российской империи, в котором сочетались тенденции империостроительства и нациостроительства, что должно было обеспечить империи большую стабильность, придать российскому имперскому строительству важный внутренний импульс и обеспечить национальную перспективу [19].

В ходе исторического развития Российской империи на ее огромном и многообразном географическом пространстве сложились большие территориальные общности (регионы), выделявшиеся своей индивидуальностью, имевшие существенные отличия в социально-экономическом, социокультурном и этноконфессиональном облике, что закреплялось определенной региональной идентификацией. Наряду с этнической и государственной существует и региональная идентификация [20] как факт принадлежности к определенной территории. Экстраполируя определение «этнокультурная самоконцепция» (С.В. Лурье) на регион, можно говорить о существовании мифологии, включающей в себя взгляд на историю региона, на его настоящее и будущее, мировоззренческое обоснование своей отличности от жителей другого региона и столицы.

Под регионом в данном случае понимается не политико-административный территориальный субъект управления и хозяйствования, а историко-географическое пространство, создаваемое не столько физическим ландшафтом, сколько временем и историей. Современный географ Д.Н. Замятин отмечает, что «историко-географическое пространство, в отличие от географического, структурируется главным образом за счет четкой пространственной локализации, репрезентаций и интерпретаций соответствующих исторических событий, происходящих (происходивших) в определенном географическом ареале (регионе)» [21].

В этой связи важен процесс генезиса географического пространственного объекта, его историческая эволюция, внутренняя и внешняя трансформация, презентация и репрезентация, выделение в особый предмет общественного сознания и сегментирования правительственной политики, что уже является объектом политико-административной классификации территории,

способом символической репрезентации внутреннего имперского пространства. Регион важен как исследовательская концепция, способная локализовать слишком обширную территорию империи и протекающих внутри и вне ее исторических процессов. Поэтому сегодня, подчеркивает П. Бурдые, никто не будет настаивать на существовании критериев, способных «подтвердить «естественные» классификации, основанные на «естественных» регионах, разделенных «естественными» границами» [22]. Официальная власть (как и ее оппоненты) активно прибегает к научному авторитету, чтобы подтвердить реальность и рациональность «произвольного деления», которое она стремится навязать, мобилизуя тем самым новую идентичность, впрочем, с плохо ею самой прогнозируемыми последствиями осознания (или веры) территориального единства. Разделение и классификация пространства власти могут быть объективированы в институциональных формах (государственные и административные границы), а также восприниматься как политические стратегии регионалистов, которые пытаются поставить на службу своим целям материальные и символические интересы местного населения.

Регион – это не только историко-географическая или политико-административная реальность, но и ментальная конструкция, с трудно определяемыми и динамичными границами. Административное деление зачастую не совпадало с географическими границами регионов, а их образы приобретали расширенное символическое восприятие. Картографирование и конструирование географического, административного, экономического и ментального пространства Российской империи составляло основу географии власти.

Ментальное картографирование есть продукт представлений о пространстве, его сложное семиотическое конструирование. И в этом смысле регионы воспринимаются по схожим механизмам, как и нации, подобно «воображаемым сообществам» Б. Андерсона [23]. Важно проследить процесс генезиса нового ментально-географического пространственного образа, выделения его в особый предмет общественного геополитического сознания и сегментирования в правительственной политике. Образование нового региона сопровождалось встраиванием его в иерархию политически референтных имперских вопросов (польский, кавказский, финляндский, остзейский, сибирский, дальневосточный и т. п.). Географические образы могут рассматриваться как культурные артефакты, обозначающие и оценивающие сегменты пространства.

Параллельно с имперским строительством шел процесс вербального присвоения новых тер-

риторий и народов, осмысления их в привычных имперских терминах и в известной мере сконструированных моделях традиционных институтов. Интерпретация региона постепенно уплотнялась и усложнялась с появлением новых внешнеполитических угроз или дальнейшей территориальной экспансией, а также с нарастанием внутренних политических и управленческих задач, управленческой специализацией и дифференциацией, изменением этнодемографической и профессиональной структуры, усиливавшейся экономической мотивацией. Последнее вводило имперские практики в колониальный дискурс, порождало территориальные экономические противоречия, заставляло все чаще задумываться о цене империи. Индустриализация подвергала ревизии определенные по военно-мобилизационному принципу административные границы и требовала экономического районирования государственного пространства [24]. Экстенсивный характер экономики (не только аграрной, но и промышленной), консервация хозяйственно-культурных локальных типов, в значительной степени самодостаточных (автаркичных), различия в уровне развития правосознания, национальные и территориальные особенности организации низшего звена управления и суда, функционирующих на основе обычного права, несложность управленческих задач позволяли самодержавию вплоть до конца XIX в. управлять страной при помощи достаточно простой структуры местных государственных учреждений.

Империя – это власть и порядок на большом геополитическом пространстве, имеющем свою морфологию и историческую динамику. Россия как империя постоянно расширялась, включая в свое государственное пространство все новые территории и народы, различные по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам. За решением первоначальных военно-политических задач имперской политики неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское пространство. Именно территория привязывала к государству человека, а не идея гражданства, как в эпоху национальных государств. Кроме административных и судебных институтов, во властном освоении и присвоении пространства огромную роль играли коммуникации, таможенные правила, налоги, денежная система, государственный язык, а также сознание верноподданничества русскому царю, который считался верховным «хозяином» земли.

Изучение региональной географии власти невозможно без встраивания ее в более широкий геоисторический контекст. Обозревая физическое пространство Российской империи, неслож-

но заметить, как исторически менялась его административная конфигурация, как постепенно заполнялись управленческие лакуны, исчезали первоначальный государственный вакуум и территориальная разреженность государственной власти, оформлялась ее административно-территориальная сеть. Эта сеть не только стремилась использовать природный ландшафт, учесть исторические контуры расселения этносов, но и активно формировала географию подвластного пространства. Но всякая административная, а тем более государственная граница, будучи однажды проведена, имеет тенденцию сохраняться, увековечиваться. «Таким образом, – отмечает Ф. Бродель, – история тяготеет к закреплению границ, которые словно превращаются в природные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению» [25].

Огромное пространство Российской империи, слабость коммуникаций и фрагментарное хозяйственное и демографическое присвоение новых территорий требовали образования на линии «центр – периферия» новых центров, транслировавших функции главного имперского центра на удаленные регионы, имевших потенциально важное политическое значение. Для интеграции периферийных регионов в состав Российской империи чрезвычайно важным был процесс формирования внешних и внутренних границ, «оцентрирования» новой территории, создания локальных эпицентров имперского влияния. Периферийный город был по преимуществу местным центром имперской власти второго или третьего порядка, иерархически соединенный с главным имперским центром. Отсюда понятно, почему так много внимания уделяли выбору административного центра, объяснима с этой точки зрения его частая миграция на окраинах, отражавшая перемены в направленности региональных процессов, смену административных, военно-колониационных, хозяйственных и геополитических приоритетов империи.

География власти означает еще и сложный процесс адаптации российской бюрократии к региональным условиям, создание собственной управленческой среды, на которую влияли как общие имперские установки и методы властвования, так и специфические условия региона. Российский чиновник не только переносил с окраины на окраину империи петербургский чиновничий стиль, но и управленческие методы и технологии, приобретенные в разных окраинных условиях. Имперская политика на востоке в известной степени зависела не только от петербургских политиков, но и от взглядов и решимости местных администраторов, занимавших, пусть и незначи-

тельные, посты в бюрократической иерархии. Их видение имперских задач на азиатских окраинах основывалось на собственной трактовке географических и климатических условий края, этнографических познаний, колониального опыта других стран и даже на самостоятельном понимании внешнеполитических условий. Важным направлением имперской географии власти являлось «научное завоевание» новых территорий и народов: «землеведение», картографирование, статистические описания, этнография. Научные экспедиции, специальные исследовательские программы, составленные по инициативе или под контролем центральной и местной администраций, должны были выяснить экономический потенциал региона (его орографию, гидрографию, геологию, климат, почвы, флору и фауну), наметить направления хозяйственного освоения, перспективы сельскохозяйственной и промышленной колонизации, выстроить стратегию управленческого поведения в отношении коренных народов с учетом их социокультурной специфики. География, этнография и история, мотивированные потребностями «знания-власти», развиваются под явным запросом имперской практики. Важную роль в стабильности имперского пространства играла наука, которая стремилась оперативно отыскать теоретические ответы на исторические вызовы быстро меняющегося мира. Это был сложный дискурс интеллектуалов (обосновавших идеальные геополитические конструкции и пугавших мир возможными глобальными конфликтами) и политических прагматиков, которые хотя и скептически относились к интеллектуальным писаниям, но не могли не использовать их в имперской политической и управленческой практике. Исторический опыт Российской империи демонстрировал не только дистанцию и даже конфликт между властью и наукой, но и своеобразные формы идеологической диффузии в сотрудничестве ученых и политиков. На определение управленческих задач влияли не только политические и экономические установки, исходившие из центра империи, но и «географическое видение» региона, трансформация его образов в правительственном и общественном сознании.

Региональная политика империи преследовала в конечном итоге цели политической и экономической интеграции страны, установления ее социальной, правовой и административной однородности. Но конкретные потребности управления заставляли правительство продолжать учитывать региональное своеобразие территорий, что придавало административной политике на окраинах известную противоречивость. Это отражалось, в свою очередь, на взаимоотношениях центральных и местных властей, приводило к се-

резным управленческим коллизиям. За изменениями на административной карте империи стоял процесс ее внутреннего строения, оформления регионов как объектов имперской территориальной квантификации политических и экономических проблем.

В условиях хронически устойчивой проблемы отсутствия «объединенного правительства» в рамках самодержавного режима стремления ситуативного институционального решения путем создания на высшем уровне комитетов (Кавказских, Сибирских, Западных, Царства Польского, Остзейских и т. п.) или на региональном уровне наместничеств и генерал-губернаторств, переход от поливариантности в административном устройстве (как это было на ранних этапах истории империи) к внутренне усложненной моновариантной модели неизбежно приводил к росту централизации и бюрократизации управления, допускающих лишь некоторую децентрализацию власти на окраинах. Вместе с тем, как отмечал Майкл Уолцер, империя ради сохранения поливариантной целостности готова была проявлять терпимость к различиям, насаждая принципы мирного сосуществования далеко не демократическими методами. Автократия создавала условия для толерантности, будучи равноудаленной от всех покоренных народов. Но имперские чиновники в противовес чувству самосохранения стремились к унификации [26]. Как отмечает А. Рибер, Российская империя «уникальным, калейдоскопическим, образом сочетала государственное строительство с колониальным правлением», стремилась добиться культурной гармонии, идейной сплоченности и административно-правового единства государства [27]. Централизация представлялась мощным орудием не только управления, но и политического реформирования. Сфера полномочий автономных образований была также резко сужена вследствие возникновения современных идей о суверенитете, а также внедрения тоталитарных идеологий.

Несмотря на динамичность административных и экономических границ, региональное сообщество имеет достаточно прочную устойчивость и долгую историческую инерцию в осознании своего единства. Политический аспект регионализма может проявиться в осознании своего административного, политического или социально-экономического неравноправия или превосходства, а в потенции и стремлении к автономии или даже к государственной обособленности. Как вспоминал С.Е. Крыжановский, один из авторов нереализованного проекта децентрализации Российской империи в начале XX в.: «Централизация высшего управления не давала выхода жажде деятельности и порывам честолюбия, на-

копьявшимся в среде местных интеллигентных классов, быстро возраставших в численности» [28]. Хотя имперский космополитизм (мультикультурализм) был особенно заметен в имперских столицах, где люди оказывались оторванными от своих традиционных сообществ, именно они становились местом соединения стихийной патриотической неудовлетворенности и новейших социальных, национальных и антиколониальных теорий.

Для выявления направленности региональной динамики, в известной мере, может оказаться продуктивным определение фаз национального движения, предложенных Мирославом Хрохом: от стихийно формируемого регионального самосознания и местного патриотизма, через политическую актуализацию и теоретическое конструирование местными интеллектуалами (политиками, общественными деятелями, учеными) региональной идентичности, к выдвиганию идей административно-хозяйственной автономии и даже государственного сепаратизма [29].

Особый административный (и даже политический) статус мог лишь усиливать или ослаблять региональные позиции. Стремление к регионализму (сверх обычного деления на губернии) объяснимо также известным несоответствием традиционного административно-территориального деления потребностям политики и управления, требующим более широких административных объединений. В свою очередь крупные региональные образования воспроизводили общую схему структурируемого пространства, создавая свой центр и свою периферию. Историко-географические регионы обладают определенной устойчивостью и даже способностью к регенерации при сохраняющихся опасениях, что административное единение большого периферийного региона может составить конкуренцию центру. Столичные политики проявляют настороженную бдительность не только к экономико-управленческой автономии регионов, но к их стремлениям иметь свою историю, своих героев и свою символику.

[1] Марк фон Хаген представил и первый опыт обобщения сделанного историками в изучении имперской истории, поставив под сомнение столь длительное существование постсоветского пространства как политико-географической категории. *Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода* // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. Важным событием стало появление в 2000 г. журнала «Ab Imperio». Наиболее заметные работы по российской имперской тематике последних лет: *Гатагова Л.Г.* Империя: идентификация проблемы // Историче-

ские исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1993; *Дьякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9; Bassin M. Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999; *Forsyth J.* A history of the peoples of Siberia. Russia's north Asian colony. 1581–1990. Cambridge, 1996; *Le Donne J.* The Russian empire and the world. 1700–1917. The geopolitics of expansion and containment. Oxford; New York. Oxford univ. press. 1997; *Lieven D.* The Russian Empire and its Rivals. London, 2000; *Marks S.G.* Road to Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia 1850–1917. Ithaca; New York, 1991; *Raeff M.* Siberia and the reforms of 1822. Seattle, University of Washington press, 1956; *Rediscovering Russia in Asia. Siberia and the Russian Far East.* N.Y., 1995; *Stephen J.J.* The Russian Far East. A History. Stanford, 1994; *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution.* L.: Routledge, 1991; *Treadgold D.W.* The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, 1957; *Wood A.* Siberia: Problems and Prospects for Regional Development. L., 1987; Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997; *Капеллер А.* Россия – многонациональная империя. 1997; *Воробьева (Кэмпбелл) Е.И.* Мусульманский вопрос в имперской политике российского самодержавия: вторая половина XIX в. – 1917 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999; *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000; Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999; Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997; *Хоскинс Д.* Россия: народ и империя. Смоленск, 2000; *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001; *Rediscovering Russia in Asia. Siberia and the Russian Far East.* N.Y., 1995; *Russian colonial expansion to 1917* / Ed. by Rywkin M.L. N. Y., 1988; *Rywkin M.* Russian Colonial Empire. L., 1975; *Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture.* N.Y., 1993; *Geyer D.* Russian Imperialism. The Integration of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914. New Haven - L., 1987; *After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian Ottoman, and Habsburg Empires.* N.Y.-L.: Westview Press, 1997; *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917.* Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1997; *Imperial Russia: New Histories for the Empire.* Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1998; *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the

- Path to War with Japan. DeKalb, 2001; *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; *Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления.* Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004; *Российская империя в сравнительной перспективе* / Под ред. А. Миллера. М.: Новое издательство, 2004 и др. Автор статьи с 1995 г. стал активным участником этого процесса, издав несколько статей и три монографии: *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995. *Он же.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997; *Он же.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск, 2004.
- [2] Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999.
- [3] Выход из создавшейся историографической ситуации стремятся найти участники Летней школы «История Российской империи – преодолевая недостатки национальных и региональных нарративов. Сравнительный подход в исследовании и преподавании», созданной при поддержке Центрально-Европейского университета под руководством А.И. Миллера, В.О. Бобровникова, С.Н. Абашина и А.В. Ремнева. Заканчивается работа по подготовке курсов лекций по истории Западных окраин, Кавказа, Центральной Азии и Сибири в Российской империи.
- [4] *Мэндрас М.* Регионы и строительство Российского государства // Куда идет Россия. Альтернативы общественного развития. М., 1995. С. 316.
- [5] *Рибер А.* Изучая империи // Исторические записки. М., 2003. Т. 6 (124). С. 120.
- [6] *Рибер А.* Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 108–115.
- [7] *Ивановский В.В.* Вопросы государствоведения, социологии и политики. Казань, 1899. С. 244.
- [8] *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 280–281.
- [9] *Каппелер А.* «Россия – многонациональная империя»: Некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 21. См. также об исследовательских возможностях регионализма и «географического подхода»: *Matsuzato K.* Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Towards a Discipline of «Reginology». Sapporo, 2000. P. IX–X; *Он же.* The Concept of «Space» in Russian History – Regionalization from the Late Imperial to the Present // Empire and Society: New Approaches to Russian History. Sapporo, 1997. P. 181–216.
- [10] *Эмар М.* Категории «Центр» и «периферия» в историографии XX в. // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 68–69.
- [11] *Рязанцев И.П.* Современное регионоведение в дискурсе экономической социологии: опыт постановки проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1999. № 2. С. 45.
- [12] *Алаев Л.Б.* Империя: феномен или этап развития? // Вопросы истории. 2000. № 4/5.
- [13] *Бродель Ф.* Время мира. М., 1992. С. 18, 48–49.
- [14] *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 135, 147.
- [15] *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993. С. 42.
- [16] Цит. по: *Перцик Е.Н.* К.И. Арсеньев и его работы по районированию России. М., 1960. С. 99.
- [17] *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 26.
- [18] См.: *Кэмпбелл Е.* «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 206–207.
- [19] См.: *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 130.
- [20] См.: *Свержунова Н.В.* Исследование региональной идентичности: исторический аспект // Социология и социальная антропология. СПб., 1997.
- [21] *Замятин Д.Н.* Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Восток. 2002. № 1. С. 44.
- [22] *Бурдые П.* Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 52.
- [23] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001; *Миллер А.И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Политическая наука. 2001. № 4. С. 33; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
- [24] См.: *Тагирова Н.Ф.* Опыты экономического районирования Российской империи XVIII – начала XX в. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 413–425.
- [25] *Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М., 1994. С. 274.
- [26] См.: *Уолцер М.* О терпимости. М., 2000. С. 34.
- [27] *Рибер А.* Устойчивые факторы... С. 119.
- [28] *Крыжановский С.Е.* Проект децентрализации империи // Посев. 1993. № 4. С. 16.
- [29] *Хрох М.* Ориентация в типологии // Ab Imperio. 2000. № 2. С. 15.